

**«ЕВРОПЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ
ПСИХОАНАЛИЗА»**

**«EUROPEAN JOURNAL OF
PSYCHOANALYSIS»**

(ДЛЯ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СНГ)

***Спецвыпуск
Часть 2***

Рим-Киев - 2020

УДК 159.964.2

Европейски журнал психоанализа : Спецвыпуск. Часть 2. - 2020. - 51с.
European Journal of Psychoanalysis

Редакционная коллегия:

Светлана Уварова – ректор Международного института глубинной психологии, PhD (Киев, Украина) - *главный редактор*;

Сержио Бенвенуто – президент Института передовых исследований по психоанализу, I.S.A.P. (Рим, Италия) – *заместитель главного редактора*;

Александр Бреусенко-Кузнецов – доктор психологических наук, профессор, професор кафедры истории и теории психоанализа Международного института глубинной психологии;

Виктор Мазин – кандидат философских наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой теоретического психоанализа Восточно-Европейского института психоанализа

Дарья Дружиненко-Силян – доктор клинической психологии, психолог-исследователь, преподаватель Страсбургского Университета, Магистратуры гуманитарных и социальных наук по психологии Университета Кот-д’Азюр

Джоеле П. Чима – специалист в области клинической психологии в Университете Габриэле д’Аннунцио Кьети и Пескара

Кристиана Чимино – доктор медицины, психиатр, психоаналитик, ассоциированный член Итальянского психоаналитического общества (IPA), член Института перспективных исследований в области психоанализа (ISAP)

Мэтью Ойер – доцент кафедры психологии Школы медицины Икана Медицинского центра Маунт-Синай

Татьяна Висковатова – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры дифференциальной и специальной психологии Одесского национального университета имени И.И.Мечникова, академик Украинской академии наук, действительный член Европейской академии естествознания (Эдинбург, Шотландия), действительный член Международной академии естествознания (Глй-Изенбург, Германия)

Фернандо Кастриллон – доктор психологии, магистр социологии, профессор Калифорнийского института интегральных исследований (CIIS) и Психоаналитического института Северной Калифорнии (PINC), преподаватель Лакановской школы психоанализа (LSP)

Ханнес Нюкянен – адъюнкт-профессор (доцент) Академии Або, старший научный сотрудник кафедры философии, истории, культуры и искусствознания Хельсинкского университета

Адрес украинского представительства: 02115 г. Киев, ул. Лаврская, 16

E-mail: ejp_editor@ukr.net

Материалы выпуска размещены в переводе. Ответственность за достоверность фактов, имен собственных, цитат, цифр несут авторы публикаций. При использовании научных идей и материалов этого выпуска ссылки на авторов и издание являются обязательными.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖОРДЖО АГАМБЕН	РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧУМЕ	5
РЕНАТО КРИСТИ	ПАНДЕМИЯ И ФИЛОСОФИЯ	6
МИГЕЛЬ ВАТТЕР	ЕДИНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ЕДИНЫЙ ДОМ: О БИОПОЛИТИКЕ COVID-19	11
ЭЛЕТТРА СТИМИЛЛИ	ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ – ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ДОЛГА В ВИРУСНЫЕ ВРЕМЕНА	16
МАССИМО КАЧЧИАРИ	НАШИ ДОМА – ЭТО АД. ИНТЕРВЬЮ	20
СЕРДЖИО БЕНВЕНУТО	ВИРУС И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. МОЙ ДНЕВНИК	25
РОБЕРТО ЭСПОЗИТО	ИНСТИТУТ ЖИЗНИ	37
ЭЛИЗАБЕТ РУДИНЕСКО	ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ СЛОВА «МАКРОНОВИРУС»	39
ПЬЕТРО ПАСКАРЕЛЛИ	ДО ВИРУСА (ОКТАБРЬ 2019 г.)	42
ДАНИ НОБУС	ВИРУСНАЯ ПЕРЕОЦЕНКА ВСЕХ ЦЕННОСТЕЙ?	47

CONTENT

GIORGIO AGAMBEN	REFLECTIONS ON THE PLAGUE	5
RENATO CRISTI	PANDEMICS AND PHILOSOPHY	6
MIGUEL VATTER	ONE HEALTH AND ONE HOME: ON THE BIOPOLITICS OF COVID-19	11
ELETTRA STIMILLI	THE ITALIAN LABORATORY – RETHINKING DEBT IN VIRAL TIMES	16
MASSIMO CACCIARI	OUR HOMES ARE HELL. INTERVIEW	20
SERGIO BENVENUTO	THE VIRUS AND THE UNCONSCIOUS. MY DIARY	25
ROBERTO ESPOSITO	VITAM INSTITUERE	37
ELISABETH ROUDINESCO	BEWARE OF THE WORD “MACRONOVIRUS”	39
PIETRO PASCARELLI	BEFORE THE VIRUS (OCTOBER 2019)	42
DANY NOBUS	A VIRAL REVALUATION OF ALL VALUES?	47

ДЖОРДЖО АГАМБЕН
GIORGIO AGAMBEN

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧУМЕ¹
REFLECTIONS ON THE PLAGUE

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/reflections-on-the-plague/>

27/03/2020

Следующие размышления касаются не эпидемии, а того, что мы можем понять из реакции людей на нее. Речь идет о том, чтобы задуматься, с какой легкостью все общество безропотно согласилось чувствовать себя чумным, изолироваться дома и приостановить свои нормальные условия жизни, рабочие, дружеские, любовные отношения и даже свои религиозные и политические убеждения. Почему не было протестов и оппозиции, как это обычно бывает в таких ситуациях? Гипотеза, которую я хотел бы предложить, заключается в том, что каким-то образом, пусть и бессознательно, чума уже присутствовала там; что, очевидно, условия жизни людей стали такими, что было достаточно неожиданного сигнала, чтобы они проявились в своем истинном свете: т. е. невыносимые, в точности как чума. И это, в некотором смысле, единственный положительный факт, который можно извлечь из нынешней ситуации: не исключено, что позже люди начнут задумываться о том, был ли их образ жизни правильным.

Не менее важно задуматься о необходимости религии, которая становится очевидной в данной ситуации. Ключом к этому является терминология, заимствованная из эсхатологического словаря, который одержимо использует слово «апокалипсис» для описания этого явления, особенно в американской прессе, и зачастую явно указывает на конец света. Как будто религиозная потребность, которую Церковь больше не в состоянии удовлетворить, на ощупь ищет себе другое место, чтобы осесть там, и находит его в том, что теперь стало религией нашего времени: наука. Как и любая религия, наука может породить суеверия и страх или, в любом случае, использоваться для их распространения. Никогда прежде мы не были

---

¹ Опубликовано на итальянском в Quodlibet, <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-riflessioni-sulla-peste>

свидетелями такого зрелища, столь типичного для религий во времена кризиса, таких разных и противоречивых мнений и предписаний, начиная с еретической позиции меньшинства (пусть даже и представленного авторитетными учеными) тех, кто отрицает серьезность явления, и заканчивая доминирующим ортодоксальным дискурсом, который подтверждает эту серьезность, но, тем не менее, часто радикально расходится во мнениях относительно того, что со всем этим делать. И, как всегда в таких случаях, некоторым специалистам или псевдоспециалистам удается заручиться поддержкой монарха, который, как и во времена религиозных споров, раскалывающих христианство, решает встать на сторону, в соответствии со своими собственными интересами, того или иного течения, и переходит на навязывание своих мер.

Еще одна вещь, которая заставляет задуматься, – это очевидный крах всех общих убеждений и веры. Похоже, что люди больше не верят ни во что, кроме чистого биологического существования, которое нужно спасти любой ценой. Но страх потерять свою жизнь может служить лишь основой тирании, чудовищного Левиафана с его обнаженным мечом.

Вот почему – как только будет объявлено об окончании чрезвычайной ситуации, чумы – я не верю, что, по крайней мере, тем, кто сохранил минимум ясности, удастся вернуться к той жизни, какой она была раньше. И это, пожалуй, самое отчаянное сегодня – даже если, как уже было сказано, «надежда дается только тем, кто уже больше не надеется».

Перевод с английского: Наталья Суполкина

РЕНАТО КРИСТИ
RENATO CRISTI

ПАНДЕМИЯ И ФИЛОСОФИЯ
PANDEMICS AND PHILOSOPHY

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/pandemics-and-philosophy/>

22 февраля этого года Национальный исследовательский совет (*Consiglio Nazionale delle Ricerche – CNR*) публично заявил: «В Италии нет Sars-CoV2». CNR подтвердил вспышку инфекционного

гриппа, который мог вызвать легкие симптомы в 80% случаев, добавив: «Есть вероятность, что в 10-15% случаев может развиваться пневмония, но динамика болезни будет доброкачественной в абсолютном большинстве случаев. Можно предположить, что только 4% пациентов потребуются интенсивная терапия для их выздоровления». В тот же день во всей Италии было зарегистрировано 79 инфицированных пациентов.

26 февраля, когда число инфицированных выросло до 470, известный философ Джорджо Агамбен опубликовал в «*Quodlibet*» колонку со следующим заголовком: «Изобретение эпидемии». Цитируя заявление CNR, Агамбен осудил «маниакальные, иррациональные и совершенно необоснованные экстренные меры, принятые в ответ на предполагаемую эпидемию коронавируса». Он обвинил власть в распространении атмосферы террора и «провоцировании настоящего чрезвычайного положения, включая строгое ограничение права на передвижение и приостановку нормального функционирования условий жизни и труда».

Агамбен критически добавил, что правительственные заявления о чрезвычайном положении стали обыденным явлением. В нынешней ситуации он опасается, что «изобретение эпидемии» приведет к «милитаризации» сообществ и регионов. Для того, чтобы это произошло, будет достаточно одного больного с неизвестным источником инфекции. Подобное расплывчатое и неопределенное заявление, можно расширить, чтобы охватить многие регионы, что в свою очередь может привести к «серьезному ограничению свободы». Вместе с тем подразумевается ограничение права на свободу собраний в частных и общественных местах, что препятствует проведению культурных, религиозных и спортивных мероприятий. Это может также привести к приостановке занятий в школах и университетах и к введению карантина.

По словам Агамбена, здесь скрыта очевидная диспропорция. Нужны меры по борьбе с сезонным гриппом. Но то, что стоит за этой попыткой вмешательства, представляет собой «идеальный предлог» для расширения границ чрезвычайного. По этой причине была сгенерирована коллективная паника, призванная заставить людей прибегнуть к государству в поисках защиты. Кроме того, государство стимулирует страх близости и побуждает нас держаться на расстоянии друг от друга. Это приведет к упразднению чувства

общности и угасанию сплоченности – порочного круга, которым пользуется государство, дабы усилить свою власть над нами.

Кажется очевидным, что в своих неоднократных ссылках на чрезвычайное положение Агамбен пытается изгнать известного немецкого юриста Карла Шмитта и его идею сильного исполнительного государства. Шмитт связывает государственную суверенитет с исключением. В недоверии к государству Агамбен также отдает дань Фуко. Метонимия «отсекания головы короля», которая подразумевает маргинализацию государства, – это способ, которым Фуко обобщает всё свое недоверие к власти и всем ее воплощениям. Его идея микрофизики власти исследует все углы и закоулки, в которых может скрываться авторитет бюрократии, правовой системы, армий, школ и больниц. Он стремится разоблачить власть и вывести на свет, как эти институции связаны, тем или иным образом, с макрофизикой государства.

В работе «Надзирать и наказывать» Фуко включает раздел, в котором он описывает применение власти во время бедствий и эпидемий. Подобно тому, как философы и юристы выдвигают идею «естественного состояния» для объяснения прав и законов, правители мечтают о «состоянии чумы», чтобы придумать совершенные дисциплинарные схемы, а в случае проказы – формы исключения. «Чуму встречают порядком», политическим порядком, «отводящим» каждому индивиду его место, его тело, болезнь и смерть, его благосостояние посредством вездесущей и всеведущей власти».

Эти образы рассказывают об опасной и грустной философии Агамбена. В своем ответе Агамбену Серджио Бенвенуто, который тоже является итальянским философом, утверждает, что в борьбе с этой пандемией расстояние сближает нас, и что стратегия страха может быть лучшим способом обеспечить соседскую и дружескую дистанцию. Бенвенуто пишет: «Распространять страх может быть разумнее, чем мыслить философски». И добавляет: «Иногда для страха требуется смелость».

Следует также отметить, что толкование Агамбеном Шмитта является неполным. Авторитаризм Шмитта поддерживает идею сильного исполнительного государства, которое принимает решение об исключении. Он делает это, чтобы противостоять административному государству, провозглашенному Веймарской конституцией для продвижения социал-демократической политики, которую ненавидел Шмитт. Меры, принятые в Италии для борьбы с

пандемией, не являются, как намекает Агамбен, результатом авторитарного инстинкта правящих элит, которые, похоже, готовы найти любой повод для принятия решения об исключении. Напротив, меры, принятые итальянскими властями для борьбы с пандемией, – это те меры, которые должны приниматься административным государством для эффективного удовлетворения потребностей народа.

Дональд Трамп, защитник сильного исполнительного государства, также является заклятым врагом административного государства, которое он называет «глубоким государством». Его антистатическая кампания, его фобия в отношении административного государства напрямую ответственны за эпидемиологический хаос, который мы наблюдаем сегодня в Соединенных Штатах. «*The Wall Street Journal*» сообщает, что производители и дистрибьюторы медикаментов, необходимых для спасения жизней, «испытывают недостаток указаний со стороны федерального правительства относительно того, куда отправлять свою продукцию, поскольку больницы конкурируют за крайне необходимые маски и аппараты искусственной вентиляции лёгких для борьбы с распространением нового коронавируса».

Контр-адмирал Джон Половчик, отвечающий за распределение этих предметов медицинского назначения для Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях (*Federal Emergency Management Agency – FEMA*), заявил, что некоторые члены Конгресса высказали мнение о необходимости национализировать производство этих товаров и централизовать их распределение. Половчик выступает против этой идеи, потому что это активизирует административное государство, крах которого был ключевой целью правительства Трампа.

Здесь мы сталкиваемся с ошибочной философией, которая ставит под угрозу способность правительства спасти жизни тысяч граждан. Эта философия – неолиберализм, который сродни тому, что вдохновляет Агамбена и Фуко. Это философия, которая внушает государственную фобию, не фобию, направленную против государства в целом, а именно против административного государства. Это то, что эти авторы разделяют со Шмиттом. Фуко приписывает государству «внутреннюю тенденцию к расширению», целью которой является вторжение в гражданское общество. В своих лекциях «Рождение биополитики» он идентифицирует «что-то вроде

генетической преемственности или эволюционной последовательности» между «административным государством, государством-покровителем, бюрократическим государством, фашистским государством, тоталитарным государством». Не называя его, Фуко воспроизводит недоверие Шмитта к демократии, которую он считает сопоставимой с тоталитаризмом. Он также воспроизводит Хайека, который согласен с Шмиттом в этом отношении.

Мне кажется, что альтернативой является республиканская политика, политика, которая рассматривает государство как покровителя и защитника общего блага. Республиканизм явно выступает против либертарианской политики, поскольку его главной целью является не максимизация индивидуальной свободы, а благо общества. Как и Фуко, республиканизм поощряет необходимость конституционно охранять стражей, дисциплинировать власть, но никогда не искать ее анархистского уничтожения. Если попытаться любой ценой гарантировать абстрактную и сакрализованную индивидуальную свободу и философски пропагандировать государственную фобию, то станет невозможным объединение граждан вокруг задачи уменьшения и преодоления этого пандемического бедствия. Политика общего блага требует профессиональной бюрократии, управляемой моральными принципами, что способствует установлению баланса между солидарностью и subsidiarностью. Дочерние ассоциации будут процветать в условиях совместной солидарности, обеспечиваемой сильной государственной властью, которая защищает слабых от эпидемий, пандемий и других экономических и социальных бедствий.

Перевод с английского: Александр Рыбец

МИГЕЛЬ ВАТТЕР
MIGUEL VATTER

**ЕДИНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ЕДИНЫЙ ДОМ: О БИОПОЛИТИКЕ
COVID-19**

**ONE HEALTH AND ONE HOME: ON THE BIOPOLITICS OF
COVID-19**

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/xyy>

31/03/ 2020

Пандемия COVID-19 довольно эффектно подтвердила актуальность философской парадигмы, известной как биополитика. Мы не только являемся представителями биологического вида, который также организует нашу совместную жизнь с помощью политики, но эта пандемия четко показала, насколько наша политика (и экономика) зависит от нашей способности «руководить» или «управлять» жизнью нашего вида по отношению к нечеловеческой жизни как таковой.

Однако мы до сих пор не знаем, как человеческая реакция на вспышку коронавируса переформулирует связь между нашей биологической жизнью и политической жизнью. На сегодняшний день пандемия объединяет два новых элемента, которые нуждаются в дальнейшем критическом и биополитическом осмыслении. Первым элементом является тот факт, что коронавирус «перепрыгнул» с одного вида на другой. Такая возможность «видового скачка», характеризующего вирусные вспышки с пандемическим потенциалом, побудила специалистов в сфере общественного здравоохранения говорить о модели «единого здоровья». Согласно определению Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, «единое здоровье – это комплексный подход к предотвращению и смягчению угроз здоровью, возникающих в зоне взаимодействия животных, человека, растений и экосистем, направленный на обеспечение здоровья населения, продовольственной безопасности и безопасности пищевых продуктов, устойчивости экосистем и на содействие справедливой

торговле»². Таким образом, феномен вируса, который скачет по видам, не только подтверждает точку зрения Дарвина и Ницше о том, что отдельных различимых видов как таковых не существует, но они являются побочным явлением непрерывности жизни в постоянном становлении³. Пандемия также указывает на то, что «видовой скачок» имеет свой собственный биополитический зеркальный образ, подвергая сомнению традиционные неприкосновенные устройства, такие как национальные границы и неравное распределение богатства. Как поспешили отметить Джудит Батлер⁴ и Славой Жижек⁵, вирус невероятно эгалитарен. Этот факт говорит о том, что националистические и капиталистические концептуализации «зоны взаимодействия животных, человека, растений и экосистем» необходимо будет кардинально пересмотреть в целях достижения единого здоровья в планетарном масштабе. Но теперь это выражение следует понимать следующим образом: наша концепция здоровья должна быть переориентирована Единством жизни, которое перформативно отрицает натурализованные иерархии и видовую дискриминацию, лежащие в основе социальных патологий, таких как классицизм, расизм и сексизм.

Второй новый элемент заключается в том, что остальной мир последовал примеру Китая, приняв «изоляцию» своих граждан в их «домах» в качестве биополитической политики выбора для борьбы с эпидемией. Каково значение этого топологического выбора для нашей биополитической реакции? Философы биополитики по-разному ответили на этот вопрос: некоторые, такие как Джорджо Агамбен (<http://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/>; <http://www.journal-psychoanalysis.eu/reflections-on-the-plague/>), понимают изоляцию как повторение суверенной прерогативы «не допускать» определенных лиц, считающихся представляющими высокий риск для «безопасности» общества. Другие, такие как Серджио Бенвенуто⁶, рассматривают изоляцию как

² <http://www.fao.org/asiapacific/perspectives/one-health/en/>

³ Lemm, V. (2020) *Homo Natura. Nietzsche, philosophical anthropology and biopolitics* (Edinburgh: Edinburgh University Press).

⁴ Butler, J. (2020) “Capitalism has its limits”, <https://www.versobooks.com/blogs/4603-capitalism-has-its-limits>

⁵ Žižek, S. (2020) “Coronavirus is ‘Kill Bill’-esque blow to capitalism and could lead to reinvention of communism”, <https://www.rt.com/op-ed/481831-coronavirus-kill-bill-capitalism-communism/>

⁶ Benvenuto, S. (2020) “Estizzazione. La nostra vita dopo il coronavirus”, Doppiozero, 22-III-2020, <https://www.doppiozero.com/materiali/estizzazione-la-nostra-vita-dopo-il-coronavirus>

ускорение тенденции в развитых капиталистических обществах к восстановлению древнегреческого представления «дома» как «очага» (греч. *Hestia*): первоначального пространства для воспроизводства жизни, где инструменты для этого воспроизводства находятся «в нашей власти». Как отметил Карл Шмитт несколько десятилетий назад, «дом остается ядром и центром земной жизни, вместе с его определенными порядками и устоями: дом, имущество, брак, семья, наследство... Фундаментальный институт права, имущества или собственности, получил свое название от *domus*»⁷.

Однако я думаю, что потрясение от COVID-19 сделало больше, чем просто разрушило наивно оптимистическое убеждение о том, что мы жили в лучшем из всех возможных миров. И оно также сделало больше, чем просто напомнило о выводе Кандида, что лучший путь в жизни – это просто «возделывать свой сад» и продавать скромные продукты своей работы дома. Подобно тому, как вирусный «видовой скачок» подчеркивает появление «единого здоровья», так и эта глобализированная и слишком медиализированная (благодаря интернет-технологии) «изоляция» привела к еще большему убеждению, что мы больше не можем продолжать «прогрессировать» так, как мы делали это до сих пор. Прямая связь между человеческим видом, находящимся в изоляции, и небом, свободным от загрязнения, старыми водными путями, вновь изобилующими жизнью, и т. д. укрепила древнейшее понимание того, что природа – это Единый Дом для человечества. Это объясняет умонастроение, выраженное такими обозревателями, как Джордж Монбио, который считает, что эта пандемия «может стать моментом, когда мы снова начнем видеть себя, управляемыми биологией и физикой и зависимыми от обитаемой, пригодной для жизни планеты»⁸.

Неслучайно связь между природой и домом была важным представлением первых греческих философов, которые стремились найти ключ к человеческому управлению в биологии и физике, а именно, пифагорейских философов. Один из них, Филолай, писал: «Первое слаженное, одно, в середине Сферы называется «очаг» [Гестия]»⁹. Здесь «дом» или «очаг» не означает частное владение, где

⁷ Schmitt, C. (2014) “*The Planetary Tension Between Orient and Occident and the Opposition Between Land and Sea*” *Política Común* 5. doi: <http://dx.doi.org/10.3998/pc.12322227.0005.011>

⁸ Monbiot, G. (2020) “*Covid-19 is nature’s wake-up call to complacent civilization*”, *The Guardian*, March 25, 2020.

⁹ Diels Kranz 7 [B91].

жизнь благополучно управляется хозяином, а относится к принципу гармонии, состоящему из бесконечной материальности жизни (символизируемой огнем), и Того, кто является принципом всех ограничений: вместе они создают космический порядок как Единый Очаг, который должен стать моделью для всего политического порядка. Человеческий вид сможет найти свой путь назад (греч. *nostos*, от которого, как говорят некоторые филологи, происходит греческий термин *noos* – ум, разум)¹⁰ к этому Единому Дому, когда он поймет, как говорил Вальтер Беньямин, что «техника – не подчинение природы, а подчинение отношений между природой и человечеством. И хотя спустя десятки тысяч лет люди как вид находятся в конце своего развития, но человечество как вид находится еще в самом начале. Для него в технике организуется природа, где его контакт с космосом выстраивается по-новому и не так, как в народе и семье. ... Живое может преодолеть восторг уничтожения лишь в экстазе зачатия»¹¹.

Экономика изначально означала управление домашним хозяйством (*oikos*). Как отмечают многие экономисты, одним из самых впечатляющих биополитических последствий пандемии COVID-19 является то, что «изоляция дома» привела к окончательному разрыву с аналогией между задолженностью домохозяйств и государственной задолженностью, десятилетиями лежащей в основе неолиберальной политики «жесткой экономии»¹². Если пандемия загнала нас в наши дома, но позволяет нам задуматься о том, что является нашим истинным «единым домом», та же самая необходимость оставаться дома (как меч, который ранит и лечит одним ударом) также освобождает нас от догмы, которая считает государственный долг таким образом, как если бы это была сумма долгов, понесенных домашними хозяйствами. Как ни парадоксально, домашняя изоляция снова превратила *oikos-nomy* (экономику) в политический вопрос. Но мы еще не знаем, насколько этот новый «политический» подход к экономике будет отличаться от традиционной политической экономики, которую Маркс уже критиковал. Стремительность, с которой все правительства

---

¹⁰ Lachterman, D. (1990) “*Noos and Nostos. The Odyssey and the Origins of Greek Philosophy*” In *La naissance de la raison en Grèce*, edited by Jean-Francois Mattei, (Paris: PUF) pp 33-39.

¹¹ Benjamin, W. (1996) “*To the Planetarium*” in Benjamin, W. *Selected Writings. Volume 1: 1913-1926*. Edited by Marcus Bollock and Michael W. Jennings (Cambridge: Harvard University Press).

¹² Tooze, A. and Schularick, M. (2020) “*The shock of coronavirus could split the EU – unless nations share the burden*”, *The Guardian*, March 25, 2020.

отказались от всех бюджетных и фискальных ограничений, которые неолибералы считали настоящим стандартом легитимности, действительно является довольно «революционной» в плане отмены неолиберального императива приватизации долга и риска. Однако она также является «реакционной», поскольку она возвращает старую веру в провиденциальное государство как кредитора последней инстанции и конечной системы социальной защиты. Риск, связанный с возвращением к этой средневековой вере в «бессмертную» природу государственной казны, заключается в том, что такая экономико-богословская вера лежит в основе отождествления суверенной власти со спасающей силой, мифа о государстве как представителе Бога на земле¹³. Недобросовестные правители и инвесторы, несомненно, постараются не допустить, чтобы этот «хороший кризис пропал даром». Всем остальным необходимо учитывать, что Единое Здоровье и Единый Дом также подразумевают и Единое Человечество, достоинство которого стоит выше суверенитета государств, и ценность которого вне установленной рыночной цены. Нет никаких сомнений в том, что пандемия является жестоким способом выявления уязвимости всех живых человеческих видов. Защита, предлагаемая бессмертной корпорацией, такой как государство, обещает нам определенную степень невредимости. Тем не менее, то, на что мы действительно надеемся в такие времена, — это не невредимость нашей конечной жизни представителя смертных, а на то, чтобы познать вечную жизнь¹⁴. Этого можно достичь, только следуя принципам человечности в нас самих и гармонии или закону природы над нами.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

---

¹³ Kantorowicz, E. H. (1997) *The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology* (Princeton: Princeton University Press). Original edition, 1957.

¹⁴ «Однако невозможно, чтобы мы помнили о своем существовании прежде тела, так как в теле не существует никаких следов его и так как вечность не может ни определяться временем, ни иметь ко времени какое-либо отношение. Но, тем не менее, мы чувствуем и внутренне осознаем, что мы вечны». Spinoza, B. (2002) *Ethics*, V, P 23.

ЭЛЕТТРА СТИМИЛЛИ ELETTRA STIMILLI

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ – ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ДОЛГА В ВИРУСНЫЕ ВРЕМЕНА¹⁵

THE ITALIAN LABORATORY – RETHINKING DEBT IN VIRAL TIMES

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/the-italian-laboratory-rethinking-debt-in-viral-times1/>

Италия вновь стала испытательным полигоном для процессов и опытов, которые стали глобальными. Коронавирус породил совершенно новое явление, которое само по себе является не просто политическим или экономическим событием, а пандемией, свирепость и быстрое распространение которой требуют чрезвычайных мер. Италия стала авангардом Запада, первой полностью охваченной, после первоначальной вспышки в Китае. Италия – «лаборатория» Запада.

Неудивительно, что эта абсолютно исключительная ситуация разожгла итальянские дебаты о «чрезвычайном положении». Джорджо Агамбен возобновил эту дискуссию, опубликовав 26 февраля в итальянской газете «*Il Manifesto*» статью «Чрезвычайное положение, спровоцированное немотивированной чрезвычайной ситуацией»¹⁶. После этого он еще раз подтвердил и защитил свои первоначальные заявления в краткой статье под названием «Пояснения»¹⁷. В своей критике радикальных карантинных мер, предпринимаемых правительством, Агамбен с особой горячностью и решительностью вновь вводит свою знаменитую критику парадигмы чрезвычайного положения. По его словам, самая большая опасность сегодня заключается не в самом вирусе, а в том, что политики

---

¹⁵ Итальянская версия текста опубликована на сайте “*Antinomie*”: <https://antinomie.it/index.php/2020/03/29/il-laboratorio-italia-ripensare-il-debito-ai-tempi-del-virus/>

¹⁶ Английский перевод: <http://positionswebsite.org/giorgio-agamben-the-state-of-exception-provoked-by-an-unmotivated-emergency/>

¹⁷ https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-chiarimenti?fbclid=IwAR2_SmWYbFJTk75vv515vJ1_XejluBeL-RLhUgAiHUxFkJZiwitmZZ-q9eY

используют эту ситуацию для введения усиленных мер безопасности и развертывания ряда исключительных технологий власти. Эти меры и технологии будут вскоре упорядочены «изобретением» новой парадигмы власти: господства пандемии. Этот момент он уточняет в своем недавнем французском интервью в газете «*Le Monde*»¹⁸.

Учитывая международную роль Агамбена в наших современных культурных сферах, сложность нашего момента и условия в Италии в настоящее время, крайне важно, чтобы мы вышли за рамки специфики слов Агамбена и задумались над принятием его критического выступления – лакмусовой бумажки масштаба и диапазона наших публичных дебатов, которые являются решающими в данный момент. Нельзя не заметить, что многие выступления, несмотря на их критические намерения, как правило, рассматривают дисциплинарные действия и меры социального контроля как последствия более сложного процесса, который в настоящее время осуществляется через коронавирус. Таким образом, необходимо переосмыслить «голую жизнь», которую Агамбен продолжает называть той формой жизни, которой можно пожертвовать ради простого выживания. Но каковы ставки на выживание этой голой жизни, которая уязвима?¹⁹

Этот кризис ясно свидетельствует о том, что уязвимые, незащищенные жизни не просто «голые», потому что уязвимые жизни всегда связаны с условиями, в которых они, по крайней мере, «воспроизводятся» и о них заботятся. Эта работа по воспроизводству и уходу, всегда соседствующая с выживанием, полностью отрицается теорией Агамбена. Возникает также и тот факт, что вирус нельзя рассматривать как чисто биологический феномен, не связанный с контекстом, в котором он развивается. Нельзя забывать, как глобальный капитализм способствовал непрерывному экологическому разрушению. Экологическое многообразие и различия, которые ранее могли бы прервать передачу патогенетических возбудителей, были серьезно подорваны. Наши

---

¹⁸ Английский перевод: <https://non.copyriot.com/giorgio-agamben-normalising-the-state-of-exception-under-the-covid-19-epidemic/>

¹⁹ Этот вопрос я поднимала в более ранней статье «Быть вместе на расстоянии», которая была опубликована в специальном выпуске журнала «*Topia*», посвященном этой пандемии, под редакцией Грега Бёрда и Пенелопы Айронстоун. Другие эссе в этом сборнике, такие как «Биомедицинские аппараты или добрососедство» Грега Бёрда или «COVID-19: кризис, критика и границы того, что мы можем слышать» Стюарта Мюррея, также посвящены взаимосвязи между структурной уязвимостью и голой жизнью.

глобализированные режимы облегчили передвижение, чем и воспользовался COVID-19. Сегодня патогенетические возбудители могут не только распространяться с ранее невообразимой скоростью, но они также могут мутировать и адаптироваться такими ускоренными темпами, что это приводит к более агрессивным и смертоносным изменениям.

Если можно представить, что процессы добычи и эксплуатации, которые до вчерашнего дня казались неостановимыми, остановились, пусть даже на короткое время в эти дни всеобщей блокады, – как описано в увлекательном и выдуманном «вирусном монологе» – то мы также должны выйти за рамки нашей одержимости ограничениями наших свобод (что является не чем иным, как другой стороной утраченных привилегий), и обратить своё внимание на то, что нас ожидает, или, скорее, на то, чего можно ожидать, когда все заработает и начнется по новой.

Италия наряду с девятью другими европейскими странами (среди которых Франция и государства-должники Испания и Греция) запросили у Европы «мощный, единый и своевременный» финансово-экономический отклик. Трудно избавиться от страха снова оказаться в тех условиях, которые возникли, когда мы изначально пошли на уступки под видом «бюджетной гибкости»: расширение наших балансов за счет обращения к рынку, получая в результате новые долговые обязательства. Страны, которые сегодня тратят много денег, завтра рискуют оказаться бессильными против спекулятивных атак. До недавнего времени единственной гарантией в Италии был Государственный фонд поддержки в чрезвычайных ситуациях или кредиты Европейского банка государствам, что в свою очередь привело бы к принятию реформ «крови, пота и слёз». Даже в наших нынешних условиях давние разногласия в Европейском Союзе продолжают процветать: северные государства (особенно Германия и Нидерланды) против средиземноморских государств, которые напуганы перспективой стать еще одной Грецией 2015 года. Но есть и изменения. Некоторые из государств этой самой Северной Коалиции, которые принимали участие в долговых махинациях с Грецией в 2015 году, такие как Франция, теперь сами просят о «мерах солидарности», чтобы справиться с нынешним кризисом наряду с другими государствами-должниками. Никто не хочет подписывать «меморандум о взаимопонимании», чтобы спасти собственные государственные финансы, особенно те, кто уже пережил эти

меморандумы за свой счет. Можно ли представить, что Европа, особенно Германия и Нидерланды, переосмыслила свою позицию? Можно ли на самом деле представить, что коронавирус остановил те механизмы, которые привели Европу к так называемому «кризису суверенной задолженности» после жёстких финансовых мер 2007-2008 годов?

В своей статье, опубликованной в газете «*Financial Times*» от 25 марта, Марио Драги подчеркнул, что «мы столкнулись с непредвиденными обстоятельствами», однако «потеря доходов – это не вина кого-либо из тех, кто от этого страдает» (как утверждалось во время кризиса суверенной задолженности). Вспоминая страдания европейцев в 1920-е годы, он добавляет, что «изменение менталитета, образа мышления так же необходимо в этом кризисе, как и во время войны». С одной стороны, предложенное им решение на самом деле звучит как радикальное изменение. С другой стороны, оно отражает увеличение государственного долга, только на этот раз разделенного с Европой и финансируемого за счет налогов. Вопрос договоренности станет проблемой между введением массовой ликвидности и непомерной девальвацией капитала: никакая реальная стоимость не может соответствовать выпущенной валюте. Эта же проблема возникает во время войны, и, как и в прошлые военные времена, это также ускоряет периоды восстановления.

Однако на данном этапе стоит задаться вопросом, нужно ли сегодня вызывать военный дискурс, как это любит делать Макрон, развернуть армию против вируса или, как в случае с Путиным, который предпринял совместные усилия для отправки военных войск в Италию в форме гуманитарной помощи. То, с чем мы сталкиваемся каждый день, оказавшись взаперти в своих домах, на самом деле, особенно если серьезно задумываться, – это не просто враг, а пролиферация жизни, репродукции которой мы, так или иначе, способствовали. Вместо того чтобы автоматически и, вероятно бессознательно, устанавливая режимы безопасности, объявляя чрезвычайное положение под видом самообороны, пришло время признать, что возникают также и пространства политической автономии, пропагандируемые теми, кто ищет голос, что демонстрируется в наших нынешних публичных дебатах.

Сегодня, в нашем приостановленном существовании, наряду со страхом и болью, мы, возможно, также ощутим глубокую силу сингулярности жизни. В силу многих факторов то, чем мы живем, –

это не просто природная катастрофа, чрезвычайное положение или мировая война. Нам нужны новые слова. Если наша неизбежная индивидуальная конкуренция до сих пор мешала нам это понять, ограничивая нас одиноким и погрязшим в долгах существованием, возможно, только коллективное сотрудничество позволит нам изобрести новые формы совместной жизни. Никакая сила свыше не может функционировать в борьбе с вирусом без мобилизации снизу, которая высвобождает силу, доступную каждому. Мы должны найти коллективный способ, который трансформирует страхи, составляющие неотъемлемую часть нашей жизни, в мощное выражение наших голосов и тел, вместо того чтобы парализовать нас перед лицом параноидных сцен этого феномена.

Перевод с итальянского: Грег Бёрд

Перевод с английского: Наталья Суполкина

МАССИМО КАЧЧИАРИ
MASSIMO CACCIARI

«НАШИ ДОМА – ЭТО АД». ИНТЕРВЬЮ
“OUR HOMES ARE HELL”. INTERVIEW

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/our-homes-are-hell-interview-with-massimo-cacciari/>

Философ Каччиари сообщил изданию «*Huffington Post*»: «Только безответственный человек может оставаться спокойным в такое время. В таких условиях. [Итальянское] правительство так и не смогло ничего предложить, кроме указаний оставаться дома. Я понимаю врачей: это их работа. Однако работа политиков другая. Почему они до сих пор не предоставили план восстановления?»

Это условие нестабильности: «Я не могу читать, мне трудно писать, я не могу сосредоточиться. Ситуация тревожащая. Забудьте чушь и ахиною, которую распространяют по телевидению капиталисты, финансирующие политические кампании. Как можно быть счастливым дома? Что это за идиотские фантазии? Только безответственный человек может оставаться спокойным в такое время. В подобных условиях наши дома – это ад». Очень популярный

философ Массимо Каччиари не очень философски относится к этому вопросу. Напротив, ему ненавистна сама идея о том, что мысль подслащена и превращена в конфетку, мелкие крупы здравого смысла, предназначенные в первую очередь для пожилых, дабы избавить их от бессонных ночей. Кроме того, при малейшем упоминании о размышлениях относительно пандемии, разделяемых некоторыми из его коллег, считающих, что рынок никогда не будет прежним, государство никогда не будет прежним, поэтому можно только представить себе, как всё это отразится на мужчинах, женщинах, отношениях или природе, он сразу уточняет: «Послушайте, последнее, чего я хочу сейчас, это философствовать. Понимаете? Это ужасная привычка, которая есть у модной интеллигенции: она заключается в том, чтобы взять любое событие, происходящее в мире, и интерпретировать его как поворотный момент в истории, представляя себе груды развалин повсюду, взбираясь по ним наверх и объявляя оттуда, что «все закончилось», «это конец», с радостью сознавая, что первым заговорил об эпохальном поворотном моменте. О, ради Бога!»

Говоря о будущем, во время нашей беседы Каччиари очерчивает настоящее: «История не имеет цели. Нас не ждет ни земля обетованная, ни ее противоположность – катастрофа. Этот кризис создает хаос в контексте процесса, который длится уже какое-то время, значительно усиливая его. Он увеличивает скорость, с которой научно-техническая система движется к центру мировой арены, что приводит к исчезновению главной функции политики и сокращению пространства автономии политики. Техника и политика становятся одним целым. Одно невозможно без другого. Просто посмотрите, как страны мира справляются с этим кризисом. Главы государств и ученые: бок о бок».

Все зашло в тупик, кроме истории?

Есть те, кто считает, что этот перерыв, приостановка, вызванная инфекцией, на самом деле является поворотным моментом, способным все исправить, переустановить, побудить нас к переосмыслению выбранного нами курса, представить себе другой возможный мир, перестроить все с самого начала. Это оптическая иллюзия. Это мы остановились, а не процессы, в которые мы были вовлечены годами.

Вы бы могли сказать, что это травмирует?

Травма – это непредвиденное событие, которое мучит нас, повторяясь в нашем бессознательном. С другой стороны, всегда возможно глобальное заражение. Прежде всего, это не страшный сон. Это реальность. Чтобы понять капитализм, полезнее читать Шумпетера, чем Фрейда. Капитализм – это кризис. Он заключается в разрушении и создании. Противоречие: прерванность в непрерывности. Конфликт. Внезапные скачки, безумные периоды, дисбаланс. Это не имеет ничего общего со спокойной прямой линией, какой многие представляют развитие истории.

Можем ли мы провести сравнение с событиями 11 сентября?

Мы не можем толковать это событие в краткосрочной перспективе: так же, как и тогда, речь шла не о боязни летать, так и сейчас речь не о страхе контакта с людьми, как говорят некоторые. Произойдет немыслимое ускорение в направлении политического капитализма, в то время как пространство представительства традиционной демократии сократится. Если наши либеральные системы не смогут справиться с вызовами этой эпохи, с совершенно новой организацией нашей политической жизни, они очень дорого заплатят. Постоянное чрезвычайное положение требует децизионизма (принятия решений). Китайская модель может стать доминирующей на глобальном уровне.

Может ли измениться природа глобализации?

Это реалистичная гипотеза. Глобализация возникла вследствие движущей силы Соединенных Штатов. Сегодня Китай может стать новым главным героем. Это единственная страна, способная реализовать колоссальный план реконструкции. Она владеет частью долга США и частью нашего долга. И наоборот, ни одна из западных стран не контролирует долг Китая. Вот почему мы можем стать свидетелями огромного геополитического сдвига.

Почему условного?

Потому что мы не знаем, как все будет происходить. Существуют различные виды политического капитализма. Есть китайский, русский, североамериканский капитализм. У них разные характеристики. И между ними жесткая конкуренция. Этот кризис ее ускоряет. Со временем станет понятно, какая из этих имперских держав обладает оружием, необходимым для того, чтобы занять главенствующую позицию.

Европа вне игры?

Европа является микроскопической в этом глобальном сценарии. Тот факт, что у нее не было сил отреагировать сплоченно, сообща, даже в такой ситуации, – после предупреждения о кризисе государственного долга и риске миграционного кризиса, – показывает, что рационального плана не существует. Европа, цепляющаяся за защиту германского торгового профицита или за автономию такого полу-неправового государства, как Нидерланды, выйдет из кризиса в еще более подчиненном положении, во власти той или иной империи.

Вы также сомневаетесь в собственном европеизме?

Если всё продолжит развиваться в этом направлении, я тоже буду вынужден оплакать свои юношеские утопии и забыть их.

Тогда почему Вы возложили надежды на Конте, который входит в число самых слабых в очень слабой Европе?

Потому что провал Конте повлечет за собой потерю всего. Страна развалится. Нужны будут новые выборы. Разброс предпочтений на них составит до 600 процентных пунктов. Возникнут жестокие социальные конфликты. Вот что думают по этому поводу Маттео Ренци и Маттео Сальвини²⁰: пришло время вывести Марио Драги²¹. Для этого уже слишком поздно. Различные

---

²⁰ М. Ренци является лидером одной из партий, поддерживающих нынешнее правительство; М. Сальвини – лидер ультраправой оппозиции (прим. редактора).

²¹ Бывший президент Европейского центрального банка (прим. редактора).

Драги являются результатом катастрофического курса этого правительства и отчаянного призыва Маттареллы²². Теперь пришло время подготовиться к грандиозному бюджетному маневру, подобному тому, который проделал [премьер-министр] Джулиано Амато в 90-х. Если мы не сможем этого сделать без того, чтобы всё не испортить, все рухнет.

Поможет ли перезапуск, перезагрузка всего?

Правительство до сих пор не смогло ничего предложить, кроме указаний оставаться дома. Я понимаю врачей: это их работа. Однако работа политиков другая. У них должен быть план. Они должны были бы сказать: «В настоящее время ситуация обстоит таким образом. Но у нас есть план по восстановлению. Или, по крайней мере, мы работаем над ним. Все будет происходить следующим образом. Вот это будет перезапущено в первую очередь. Затем это. Конечно же, все будет происходить с учетом всех необходимых мер безопасности». Страна не может долго выжить, если все остается закрытым. Это факт. Коронавирус смертелен. Но и безработица тоже. Чего мы ждем? Когда больше не будет зараженных? Не будет мертвых? Пока не опустеют реанимационные отделения? Каков сценарий? Не понятно.

Есть те, кто утверждает, что разделяющая черта между народом и элитами стала тоньше.

Это шутка. Вполне естественно полагаться на главнокомандующего в разгар бури. Но как можно поверить в то, что итальянцы внезапно обрели веру в политику. Они подчиняются, потому что следуют указаниям врачей. Как только ситуация изменится, даже незначительно, и проблема вновь будет связана с политическим и экономическим выбором, столкновения возобновятся.

Где Вы находитесь сейчас?

В Милане.

---

²² Президент Итальянской Республики (прим. редактора).

Значит, Вы еще не видели моря в Вашей родной Венеции, которое снова стало синим.

Я говорил с людьми, которые рассказывали мне об этом, вздыхая, потому что хотели бы, чтобы город всегда был таким.

И что Вы думаете по этому поводу?

Что, как видите, в истории нет перерывов. Придурки всегда одинаковые, такие же, как и до коронавируса.

Перевод с итальянского: Emma Gainsforth

Перевод с английского: Александр Рыбец

**СЕРДЖИО БЕНВЕНУТО
SERGIO BENVENUTO**

**ВИРУС И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. МОЙ ДНЕВНИК
THE VIRUS AND THE UNCONSCIOUS. MY DIARY**

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/the-virus-and-the-unconscious-my-diary/>

Политики, философы, нравственные идеологи и журналисты в Италии повторяют одно и то же: «Эта эпидемия – это возможность совершенствоваться!»

Повторяющаяся утешительная мысль: полагать, что если мы пройдем через катастрофы, трагедии, войны и бедствия, мы выйдем из них усовершенствованными, улучшенными. Невзгоды и испытания усиливают наш характер, как гласит известная пословица. Например, по их мнению, тот факт, что тесный контакт между людьми сегодня сводится к минимуму, в будущем сделает нас более энергичными и жаждущими человеческого общения, коммуникабельности, быть рядом с... Снова и снова нам говорят, что это исключительное лишение физического контакта научит нас дорожить и ценить физические отношения, как только все это

закончится: нам будет гораздо больше хотеться целоваться, обниматься, похлопать друг друга по спине, гулять рука об руку и т. д. Эти слащавые, приторные утверждения – возможно, необходимые для ободрения масс – предполагают, что болезненный опыт помогает нам совершенствоваться. Но мы не можем принять это как должное. Правда, бывают драматические моменты, когда целые народы как бы превращаются в героев, как это было, например, во время бомбежек последней мировой войны, когда некоторые пели по дороге к убежищам.

Но действительно ли боль всех улучшает? Я сильно сомневаюсь в этом. В первой мировой войне погибли массы немцев, но через 15 лет после окончания этой войны они привели к власти Гитлера и взяли курс на еще более разрушительную войну. Нации не учатся на опыте. Индивидуумы еще меньше.

Когда катастрофа заканчивается, она очень легко забывается. Патриотический пыл и бурная активность рано или поздно испарятся, – и будем надеяться, что это произойдет после окончания эпидемии – и мы вернемся к нашим обычным порокам, к нашей обычной мелочности. Мало кто станет разумнее и мудрее вне чрезвычайной ситуации, массы вернутся к тому, чем они были всегда: движимые обычными, в основном воображаемыми, страстями. Правда, что определенные трагедии могут сделать некоторых людей лучше, но они также могут ухудшить многих. Интеллектуалы, которым платят за то, чтобы они размышляли, должны воздерживаться от сладкого соблазна самовосхваления и самолюбования.

* * *

Как известно каждому психоаналитику, бессознательные убеждения – когда мы не знаем того, во что верим, – часто сильнее сознательных, тех, что мы приобрели в результате исследования и обучения. Реакции на многочисленные опасности, создаваемые коронавирусом, особенно выделяют одно глубоко укоренившееся бессознательное убеждение: дети, по большому счету, слабы, а пожилые – сильны.

У моей дочери сломался бойлер, горячей воды нет. Она звонит сантехнику, но он колеблется ... «Я живу со своими маленькими детьми», – неуверенно говорит он. Он боится их заразить. Для него, как и для многих других, именно детей нужно защитить в первую очередь. Но мы знаем, что дети обычно не болеют, если заражаются

этим вирусом. Если бы сантехник сказал: «Я живу с пожилой бабушкой», его нежелание имело бы смысл. Все, и не только дети, представляют угрозу для пожилых людей.

Я сталкиваюсь с постоянными примерами такого недоразумения и недопонимания. Тем не менее, сейчас в Италии мы все стали экспертами по коронавирусу, миллионы из нас прочитали огромное количество информации об эпидемии. Итак, нам всем следует знать, что средний возраст умерших в Италии составляет 79 лет, и чем вы моложе, тем меньше у вас вероятность заболеть. Мне кажется очевидным, что Covid-19 ведет геронтоцид.

Является ли атавистическим, дарвинистским отголоском то, что заставляет нас думать, что маленькие дети всегда самые хрупкие? Возможно, но я думаю, что причины, лежащие в основе этого заблуждения, более неизъяснимы и искажены.

Люди беспокоятся о детях, а не о пожилых, потому что в глубине души они надеются, что пожилые люди умрут. «Они уже сыграли свою роль», – можно услышать, как завуалировано говорят некоторые. Пожилые люди – это бремя для молодежи, особенно в такой стране, как Италия, где процент людей старше 65 лет неизбежно растет. Где, иными словами, бытует мнение, что все работают на то, чтобы выплачивать пенсии по старости пожилым людям.

Но почему тогда эта эпидемия вызывает столько страха у тех, кто еще даже близко не подошел к старости? Потому что медиа пропаганда, то есть правительственная пропаганда, неустанно повторяет: «Не думайте, что умирают только люди старше 70 лет, многие молодые люди заболевают и умирают!» Таким образом, мы слышим интервью с врачами и фельдшерами скорой помощи, которые подтверждают это. Тот факт, что итальянскому пациенту № 1 (первому итальянцу, который заболел), Маттиа, всего 38 лет, идеально подходит под эту стратегию: он воплощает в себе возможность того, что даже молодежь может серьезно заболеть, даже при том, что он в конечном итоге выздоровел.

Мне кажется вполне понятной причина, по которой государство, играющее роль мудрого патриарха, склонно пугать всех, в любом возрасте: только если все граждане будут опасаться за свою жизнь, можно изолировать и уберечь пожилых людей. Заставляя всех поверить, что они в опасности, можно удержать людей на расстоянии от пожилых.

---

* * *

Как только в какой-то конкретной стране люди понимают, что Covid-19 – это не просто грипп, массы начинают толпами атаковать супермаркеты и панически всё покупать, особенно туалетную бумагу. Тем более в Италии, где даже в трущобах есть биде. Но почему люди боятся, что туалетная бумага – первый товар, который закончится?

Потому что многие думают, что эпидемии связаны, прежде всего, с нечистоплотностью, с загрязненностью (с грязью или грехом). А что может быть более нечистым, чем наши фекалии? Старая теория связывает эпидемии с отсутствием гигиены. Во время эпидемий холеры люди избегали свинины, в частности, потому что свиньи тоже являются парадигмой грязи.

Итак, одна из легенд, процветающая благодаря нашим смартфонам, заключается в том, что коронавирус по сути передается через подошвы нашей обуви. Поэтому, прежде чем войти в дом, мы должны снять обувь и оставить за дверями, потому что вирус якобы подолгу сохраняется на дорожном покрытии... И здесь связь между грязью на улицах и заражением также кажется надуманной. Вместо этого совсем немногие предполагают, что излюбленным средством передачи вируса является поцелуй любимого, братское рукопожатие, совершенно чистый стакан, который я могу передать сыну.

Многих беспокоит тот факт, что во время эпидемии статистика действительно важна, и многие ненавидят статистику. И все же именно статистика говорит нам о том, как обстоят дела на самом деле. Сейчас наиболее важными данными для оценки воздействия Covid-19 в различных регионах являются не конкретные цифры, а сравнение с тем, сколько людей погибло в результате обычного гриппа в предыдущие годы – и это единственная статистика, которую мы не можем найти. Например, некоторые в ужасе указывают мне на то, что в Лацио (регион, в котором я проживаю) на данный момент в результате Covid-19 погибло более 100 человек. Но, как я пытаюсь объяснить, для того чтобы сделать реальную оценку, нам нужно сравнить это с уровнем смертности в Лацио примерно в то же время в прошлом году. Мы могли бы даже обнаружить, что в этом году произошел лишь незначительный рост. Однако такая линия рассуждений сразу же становится неприемлемой: меня обвиняют в недооценке эпидемии! Я пытаюсь объяснить, что только такие

статистические сравнения могут дать нам дифференциальную величину и, следовательно, реальные масштабы эпидемии.

Многим не нравятся цифры, потому что они «бесчеловечны», но зачастую именно отказ от цифр порождает бесчисленные бесчеловечные катастрофы.

* * *

Особенно в первые дни строгого карантина люди стремились превратить обязательную изоляцию в патриотический праздник: итальянские флаги на окнах, люди на балконах, выкрикивающие «Да здравствует Италия!» или распеваящие государственный гимн... Я всегда считал патриотизм невыносимым, но в данном случае я не возражал: страна находится в состоянии войны против вируса, а попытки найти объединяющее означающее – Италию – в состоянии войны неизбежны.

Но если бы строгую изоляцию ввели одновременно во всем Евросоюзе, услышали бы мы крики «Да здравствует Европа!»? Я очень сильно сомневаюсь в этом. В Италии нет патриотической идентификации с Европой. Мы нападаем на европейских лидеров, мы считаем их никем иным, как скучными, глупыми бюрократами: а как им не быть таковыми, если ни один итальянец не чувствует себя прежде всего европейцем? Если кому-то не удастся олицетворить вызывающее энтузиазм означающее, то он может быть только скучным и бюрократичным.

* * *

К услугам, которые считаются необходимыми и, таким образом, доступными во время карантина, относятся продажа табачных изделий и парфюмерии (которые также продают косметику и средства по уходу за телом). Другими словами, государство признает табак (как и алкоголь) законной аддикцией, признавая их безапелляционность и категоричность.

Духи также имеют первостепенное значение, особенно во времена унижительного затворничества: они являются самым основным подарком, особенно для женщин. Равно как и цветы, и мне интересно, почему последние также не были приняты во внимание, как предметы первой необходимости. Флористам следует разрешить

оставаться открытыми. Должна быть возможность делать небольшие настоящие, непрактичные подарки: духи, букет цветов. Они представляют собой прекрасное ничто, которое мгновенно растворяется, и которое подтверждает, перефразируя Лакана, что любовь дает другому то, чего нет.

Чрезвычайная ситуация раскрыла важность того, что мы никогда не считали таковым. У меня дома перестала работать связь Sky, но с поразительной оперативностью они быстро отправили техника в маске, чтобы решить проблему. Телевидение и интернет, на которые многие псевдофилософы так нападали как на способы отчуждения, оказались предметами первой необходимости, хлебом и вином, утоляющими голод и жажду жизни.

* * *

Газеты также считаются жизненно необходимой услугой, и продавцы могут оставаться открытыми, но разве люди в наши дни не читают газеты онлайн? Разве мы не получаем всю необходимую нам информацию из интернета? Да, но пожилые люди все еще привязаны к ритуалу полистать ежедневную печатную газету. Газетные киоски открыты для удобства пожилых людей, той части населения, которая наиболее подвержена риску.

* * *

Некоторые друзья говорят мне: «Мы тебе завидуем, потому что у тебя есть собака!» Прогулка с собакой, предположительно для того, чтобы она могла пописать и покакать, считается уважительной причиной для выхода на улицу. Однако если взять на прогулку ребенка, это может стать проблемой. Получается, что ребенок может быть крайне заразен, а собака не может никого заразить. Некоторые говорят, что собаки заменили детей тем, у кого их нет, но в наши дни собаки стали надежнее самих малышей.

Интернет-мем, ставший вирусным (как уместно, что такое прилагательное использовалось уже довольно давно) в социальных сетях гласит нечто типа: «Собаки находятся в состоянии крайнего стресса. Они переходят от одного «ходуна» к другому и уже не знают, чем им писать...», представляя, как полицейский Суперэго

следит за тобой и кисло спрашивает: «Так почему же Ваша собака не мочится?»»

* * *

Всеобщее удивление связано с тем, как итальянцы – такой индивидуалистический и непослушный народ, такой «циничный», как писал Стендаль, который говорил, что на самом деле он чувствует себя итальянцем, – подчиняются строгим правилам, изданным правительством. 70% согласны с мерами, многие хотели бы еще более строгих. Почему так мало «популистского» нытья?

Потому что карантин затрагивает всех, в том числе богатых и влиятельных. И все подвержены заражению, в том числе богатые и влиятельные. Другими словами, нет места социальной зависти, для обиды на тех, у кого больше. Тот факт, что у некоторых политиков, в том числе Никола Зингаретти, лидера Демократической партии – одного из главных партнеров правительственной коалиции – тесты показали положительный результат, делает их как-бы ближе к нам, более «человечными».

* * *

Существует много разговоров о том, включают ли «жизненно важные потребности» также встречи с любимыми, бойфрендами или подругами. «Остаться дома» означает оставаться с теми, с кем вы живете. Но как насчет партнеров, которые не живут с вами? Для многих карантин также влечет за собой сексуальное воздержание.

Женщина едет на такси, чтобы увидеться со своим любовником, который живет один, но у него есть постоянная девушка, с которой он не живет. Если бы полиция остановила ее, она бы сказала, что она едет попросить кредит, что на самом деле является правдой: ей пришлось закрыть свой бизнес, и теперь она нуждается в деньгах. Но прусского вида полицейский легко может ей возразить: «Почему бы Вам не перевести деньги на Ваш банковский счет онлайн?»»

Потому что «потребность» всегда можно опровергнуть, и мы все чувствуем себя потенциальными преступниками.

---

* * *

Многие сегодня находятся в подвешенном состоянии между несколькими любовными отношениями и различными «парами». Непонятно, кто их настоящие жены или мужья, их подружки или бойфренды, кто их любовники, и есть ли вообще «пара». Где и с кем человек решил провести этот бесконечный карантин, это как приговор от Бога: **ВЫБРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК** – это подлинно значимый другой. Если избранник – отец, мать или тетя ... ну, это раскрывает глубокоу партнера. Если кто-то решил провести карантин в одиночку, то это потому, что, в конечном счете, значимым другим является он сам.

* * *

Пандемия является питательной средой для городских легенд и слухов, более известных сегодня как фейковые новости (сфабрикованные материалы). Каждая эпидемия порождает своих распространителей чумы, винить вирус как таковой недостаточно, должна быть также человеческая вина. Какое-то время Трамп, непонятно, по причине ли своей осмотрительности или глупости (иногда эти два качества идут рука об руку), всю вину за эпидемию возлагал на китайцев, называя ее «китайским вирусом» и выдавая себя за спасителя от желтой гибели. У нас ходят слухи о темных политических и военных маневрах... Распространяется фейковая теория, утверждающая, что янки находятся в Европе, мобилизуясь для войны против России, и что американские солдаты привиты от Covid-19 (у Америки есть вакцина, но она делает вид, что нет).... Но я остановлюсь здесь на этих заблуждениях.

Пугает то, что не только покорные, невежественные или наивные выступают в роли мегафонов для этих паранойяльных слухов, но даже медики, биологи, интеллектуалы, психоаналитики...

Когда мы встречаемся, мой семейный доктор делает странные намеки на что-то там, но в данном случае я не стремлюсь выжать из нее что-либо по поводу их значения, учитывая, что она только и ждет того, чтобы из неё это выжали. Иногда они окутаны туманом, почти непрозрачны – как персонаж «Безымянный» в романе Мандзони «Обрученные», в котором есть известное описание чумы в Милане в 1630 году. Они проскакивают в разговоре такими репликами, как

«неудивительно, что эта эпидемия...», «кто-то знает...», «за всем этим стоит...». Это похоже на параноидальный бред, который иногда начинается с неопределенной туманной обширной растерянности и замешательства, а затем приобретает более конкретные ясные черты конкретного преследователя, с именем и фамилией, неважно, близко или далеко. Коллективные параноии (которые являются хлебом насущным для политики, социальных убеждений и большей части того, что, как мы полагаем, мы знаем), возможно, являются ключом к пониманию индивидуальных параноий, а не наоборот, как принято считать: параноики поглощают дискурсы, они временно сжимают их в соответствии со своими индивидуальными наклонностями, они являются рупорами для высказываний, которые пронзают их. И они не всегда просто ретрансляторы: иногда они создают из ничего, придумывают на пустом месте. Но они создают нечто, что нужно сказать другим голосам...

* * *

Мы слышали, что около 200 человек погибли в Иране, потому что, напуганные эпидемией, они пили метанол. Алкогольные напитки запрещены в Иране, поэтому все, что им было доступно, – это медицинский спирт. Сделали бы они то же самое, если бы им была доступна бутылка водки?

Нечто подобное произошло во время тюремных беспорядков, которые прошли в Италии после того, как свидания с семьями были приостановлены из-за вируса. Несколько заключенных скончались после того, как проникли в аптеки и без разбора, наобум выпили лекарственные препараты в качестве профилактического лечения или от передозировки метадон. Как будто лекарство как таковое обладает универсальным терапевтическим потенциалом независимо от болезни, для которой оно было разработано; немного похоже на тех, кто едет в Лурд для исцеления любого недуга.

Эти иранцы пили что-то греховное согласно мусульманской религии. Другими словами, в данном случае лекарственное средство действует как фармакон, термин, который в древнегреческом языке означал и лекарство, и яд. Иранцы, в силу невообразимой ассоциации, пришли к выводу, что все, что запрещено как нравственный яд, алкоголь, может в таком случае подействовать как панацея, лекарство от всех болезней. Во время медицинского

«чрезвычайного состояния», в качестве последнего средства, пагубное вещество превращается во что-то полезное.

Это напоминает мне о том, что сделала моя бабушка по материнской линии в 1958 году, когда в Италии разразилась эпидемия полиомиелита, от которой в основном пострадали дети. Мне было десять лет, и однажды вечером мне показалось, что я плохо себя чувствую – или, возможно, напряжение по поводу эпидемии вызвало состояние метафорической болезни. Мои родители хотели обратиться к доктору. Моя бабушка, которая жила с нами, побежала на кухню и вернулась с огромным стаканом красного вина для меня. Большая редкость, потому что моя бабушка была трезвенницей и не одобряла того факта, что мой отец уже посвятил меня в прелести вина, как часть мужского воспитания, которое он хотел мне дать. Короче говоря, моя добродетельная бабушка принесла мне пагубную жидкость, которую я залпом проглотил, думая, что бабушка обладает знаниями в области вирусологии.

Почему такой рискованный жест со стороны моей бабушки? Какие странные метонимии привели ее к мысли, что бокал вина – спаситель жизни? Как и в случае с иранцами, сработала логика инверсии означающего: в чрезвычайном положении яд становится лекарством. Но, возможно, в глубине души была также задействована мысль предложить умирающему мальчику запретное удовольствие, которое ему обычно не предоставлялось. Точно так же, как тому, кто шел на виселицу, классически предлагали бокал шампанского. Как будто тайной мечтой тех иранцев всегда было выпить бутылку вина, и, возможно, это было также тайным желанием моей бабушки: теперь, перед лицом смерти, удовлетворение запретного удовольствия становится *ipso facto* (в силу самого факта) средством от смерти.

* * *

Во многих культурах, когда-то называемых «примитивными», существует убеждение, что невозможно умереть естественной смертью. Даже если тебе 80 лет, и ты умер в своей собственной постели, будет само собой разумеющимся, что ты стал жертвой черной магии, что кто-то хотел причинить тебе вред. И поэтому должен быть найден ответственный за смерть. Этот детективный поиск «убийцы» во многих отношениях ритуализирован.

Было бы наивно думать, что речь идет лишь о суеверных примитивных верованиях: логика козла отпущения – искать человеческую вину во всем, что является естественным, – относится и к нам, гипериндустриальным современникам. Так, среди нескольких прогрессирующих теорий о происхождении пандемии коронавируса, некоторые строго указывают на сверхиндустриализацию: загрязнение, парниковый эффект, гиперболизированная урбанизация, сокращение биоразнообразия... Другими словами, Человек является истинной причиной бедствий и катастроф, что не слишком отличается от аргументов Руссо после катастрофического землетрясения, которое произошло в Лиссабоне в 1755 году: Природа сама по себе доброжелательна, именно люди порождают болезни, которые истощают их, наша Культура роет нам могилу.

Другая противоположная теория заключается в том, что неудивительно, что коронавирус впервые появился в Китае, где неразборчивость между животными и людьми самая высокая. К тому же, китайцы едят летучих мышей. (Но было установлено, что до эпидемии в Ухане в продаже не было летучих мышей). Теория распространения вирусов²³, передаваемых от одного вида к другому, очень серьезная: но она используется для стигматизации этих «примитивов», китайцев.

Теории, которые обвиняют людей – всегда, что бы ни случилось – как первопричину собственных бед, следуют той же логике, что и первобытные народы, которые отказываются принять идею естественной смерти без вмешательства человека. Единственное отличие состоит в том, что человеческий фактор больше касается не отдельного человека, а людей в целом. Не просто какой-то человек, а Человек обвиняется в том, что он – виновник тех бед, которые обрушиваются на человечество.

Правда состоит в том, что эпидемии всегда существовали и будут существовать. Просто, но верно. Несмотря ни на что, мы все еще являемся добычей природы. Черная смерть, уничтожившая половину населения Европы в XIV веке, была, разумеется, не результатом индустриализации, а результатом абсолютно естественной мутации, которую дарвинизм сделал совершенно понятной. Виды мутируют, а вирусы мутируют гораздо быстрее, чем эволюционирующие виды

---

²³ Quammen, D. *Spillover: Animal Infections and the Next Human Pandemic*, W.W. Norton & Company, 2012

животных, именно поэтому нам приходится каждый год находить новую вакцину от гриппа: от зимы к зиме виды вируса мутируют. Так что сегодня, в стремительно развивающемся электронном обществе, мы должны полагаться на те же методы сдерживания эпидемии, которые использовались тысячи лет назад: не имея каких-либо конкретных лекарств, все, что мы можем сделать, – это максимально изолировать людей друг от друга. Этого не было сделано в 1918 году с «испанским» гриппом, потому что мир все еще находился в состоянии войны, эпидемия была недооценена, и число погибших составило от 20 до 100 миллионов человек (согласно принятому методу расчета).

Сегодня некоторые говорят об эпохе антропоцена, и правда, что *Homo sapiens* изменяет – в худшую сторону – условия планеты. Я последний, кто недооценивает угрозы, создаваемые загрязнением, парниковым эффектом и сокращением биоразнообразия... Но не стоит и переоценивать разрушающую силу человека. Мы являемся причиной и сами подчиняемся основополагающим событиям, как на заре *Homo sapiens*: в большинстве случаев мы рождаемся с помощью полового акта, наши дети неотеничны, то есть они подвержены очень длинному периоду младенчества, рано или поздно мы умираем, и время от времени нас косят эпидемии. Так будет всегда. Обвинять людей в каждом заболевании – это другая сторона обожествления Человека (восходящая к Паскалю), которую осудили многие современные философы: если допустить, что люди, в конечном счете, столь же могущественны, как и Бог, то следует полагать, что они могут обладать таким же темным и зловещим всемогуществом, как Сатана. Но человек не является ни Богом, ни Сатаной.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

РОБЕРТО ЭСПОЗИТО
ROBERTO ESPOSITO

ИНСТИТУТ ЖИЗНИ
VITAM INSTITUERE

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/vitam-instituere/>

Если бы мне пришлось назвать задачу, поставленную перед нами коронавирусом, я бы использовал древнее латинское выражение «*vitam instituere*». Не прослеживая истории его происхождения (это отрывок из Демосфена, цитируемый римским юристом Маркианом в Дигестах), мы можем сосредоточиться на его самом современном значении. В то время, когда жизнь человека оказывается под угрозой, одолеваемая смертью, наши общие усилия могут заключаться лишь в том, чтобы «основывать» ее снова и снова. Чем же еще, в конце концов, является жизнь, если не постоянным «основанием», способностью создавать все новые и новые значения. Именно в этом смысле Ханна Арендт, как и Августин до нее, говорили, что мы, человечество, являемся началом, потому что нашим первым действием было прийти в мир, и положить начало тому, чего не было раньше. За этим первым началом последовал другой, дальнейший основополагающий акт, конституированный языком. Французский психоаналитик Пьер Лежандр назвал его вторым рождением. Именно с этим рождением и пришла в мир городская и политическая жизнь, обеспечивающая биологическую жизнь историческим горизонтом. Этот горизонт отнюдь не контрастирует с миром природы, а, скорее, пересекает его по всей своей протяженности. Пространство слова (*logos*), а затем и закона (*nomos*), как бы ни было оно автономно в своем богатстве конфигураций, никогда не отделялось от пространства жизни (*bios*). Напротив, их отношения становятся все теснее, настолько, что невозможно говорить о политике, удалив ее из сферы, в которой рождается жизнь.

Первое рождение заявляет второму о том, что последнее уходит корнями в первое. По этой причине люди не могут воздерживаться от создания жизни. Ибо именно жизнь создала этих людей, поместив их в общий мир. В этом смысле человеческая жизнь не может быть сведена к простому выживанию – к «голой жизни», цитируя Бенямина. Установившись с самого начала, наша жизнь никогда не

совпадает с простой биологической материей, даже будучи угнетаемой ею. Так и в этом случае, возможно, именно в этом случае, жизнь как таковая обнаруживает способ существования, который, каким бы деформированным, нарушенным и растоптанным он ни был, остается таковым – формой жизни. То, что придает ей формальный характер, – нечто иное, чем просто биология, – это ее принадлежность к историческому контексту, состоящему из социальных, политических и символических отношений. То, что учреждает нас с самого начала, то, что мы сами непрерывно учреждаем, – это тот символический паттерн благодаря которому все, что мы делаем, приобретает значение и значимость для нас и для других.

Именно этот паттерн общественных отношений коронавирус грозит разрушить. Не только первый тип жизни, но и второй – социальный характер наших отношений с окружающими. Понятно, что для самовыражения последние должны быть живы. Термин «выживание» не имеет редуktивной коннотации. Напротив, проблема сохранения жизни (*conservatio vitae*) лежит в самом сердце классической и современной культур. Она резонирует в христианской концепции священной жизни, как в величественной политической философской традиции, основанной Гоббсом. Первая задача, которую ставит перед нами этот ужасный вирус своим смертоносным вызовом, – это остаться в живых. Более того, защищая эту первую жизнь, мы должны защищать и вторую, учрежденную жизнь, которая, по этой причине, способна установить и создать новый смысл. Следовательно, в то время, как мы делаем все, что в наших силах, дабы остаться в живых, что вполне понятно, мы также не можем отказаться от второй жизни – жизни с другими, для других, посредством других. Однако это не позволено, на самом деле, это справедливо и логично запрещено.

Считать эту жертву невыносимой, когда есть те, кто рискует своей жизнью в больницах, чтобы спасти наши, не только оскорбительно, но и смешно. Это никоим образом не умаляет учрежденную жизнь. Не умаляет это и необходимости продолжать, несмотря ни на что, и тем более во время нарушенных социальных отношений, жить сообща. И вместе с тем, в одиночестве. Придавать здравый смысл этому одиночеству. По факту, именно это сегодня связывает нас с другими. Со всеми другими – в настоящее время с половиной человечества, а через месяц, возможно, это будет уже все

человечество. В конце концов, само расстояние также является глубоко человеческим измерением, так же, как и близость, от которой оно черпает свое значение. Не только по контрасту – «индивид» никогда не был простой противоположностью «социального», он, в свою очередь, является социальным конструктом. Сегодня эта символическая связь между расстоянием и близостью, где символом является цифра, выражающая его, приобретает еще большее значение. Во времена пандемии людей объединяет общая дистанция. Тем не менее, это также способ, который в настоящее время необходим для учреждения жизни, защиты ее от слепой силы, которая грозит поглотить ее.

Перевод с английского: Александр Рыбец

ЭЛИЗАБЕТ РУДИНЕСКО
ELISABETH ROUDINESCO

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ СЛОВА «МАКРОНОВИРУС»
BEWARE OF THE WORD “MACRONOVIRUS”

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/beware-of-the-word-macronovirus/>

Текст под названием «Макроновирус» от 15 марта, опубликованный на заговорщицком веб-сайте «*Egalité et Réconciliation*» («Равенство и примирение») и подписанный Феликсом Нишем (Félix Niesche), представляет собой нападение на Макрона, которое напоминает стиль, используемый в некоторых печально известных памфлетах в период между войнами, посвященных еврейской угрозе. В этой традиции еврея сравнивают с невидимым зародышем, который поселяется в сердце цивилизованных народов, чтобы уничтожить их.

И автор текста черпает вдохновение из этой риторики, заметной с первого взгляда. «Большие защитные убежища, – пишет он, – отели-Дьё (больницы общего профиля), дома престарелых, большие лепрозории были распроданы спекулянтам, банкам, страховым компаниям, «Большой фарме»». И снова о Макроне: «Тот высокомерный лакей старческого капитализма и декадентской бонапартистской республики (...) Макроновирус произошел не

случайно (...) Некоторые могут пойти в мечеть, чтобы научиться обращаться с духовным оружием для следующих джихадов против России. Другие могут выйти из своей изоляции, чтобы пойти к кабинке для голосования и выбрать паразита среди всех тех, кого другие люди выбрали для них заранее (...). Мы выйдем из этой макропандемии опустошенными, поработанными, жалкими?»

Автор этого текста, родившийся в 1955 году, печально известен своей принадлежностью к «красно-коричневому» вольному конгломерату. Как и его друг Алэн Сораль, ультраправый полемист, друг Дьёдонне, основатель движения «Равенство и примирение» и издательского дома «*Kontre Kulture*», которое публикует «протоколы мудрецов Сиона» вместе с работами, которые враждебны по отношению к сионизму, вакцинам и «лжи» демократий, или DVD, направленные на просвещение масс против могущественных людей этого мира, он, таким образом, считает Макрона новым человеком, ответственным за все вирусы, которые докучают настоящей Франции – стране былых времен, стране, которая страдает, той Франции, которую душил мафия, захватившая государственный аппарат, чтобы навязать вирусный террор добрым людям («*le bon peuple*»). Таково значение вируса, распространяемого Макроном, его приспешниками, его банками и его Большой Фармой: макровирус.

Беда в том, что термин «макровирус» начинает распространяться. В частности, его можно найти на веб-сайте местного отделения Всеобщей конфедерации труда (*CGT – Confédération générale du travail*) в бюро по трудоустройству поляков в регионе Гранд-Эст (Всеобщая конфедерация труда, национальный профсоюз), в статье от 20 марта 2020 года, стиль которой очень похож на стиль Феликса Ниша. «На фоне коронавируса наши свободы и наше право на труд атакует макровирус». Там также можно прочитать, что «Республика попирается, дебаты конфискуются избранными представителями, которые глухи к демократии». Короче говоря, диктатор захватил власть во Франции. Он использует вирус, чтобы выдвинуть на первый план проплаченных людей. Термин также можно найти на сайте *Rouge Cerise* (<http://www.pcf84danielecasanova.fr/>), блоге Освальда Кальветти, который представляет местное отделение Коммунистической партии Франции (статья от 29 января 2020 года о демонстрации: «страдающие от макровируса и боссоновируса»).

СМИ оглушительным молчанием прикрыли подготовку к восьмому дню акции против бальной системы подсчета выхода на пенсию.

Тема макрновируса снова была поднята в одноименном аккаунте в Твиттере, где можно прочитать следующее (6 марта 2020): «Макрония хуже чумы, это вирус». Но тема также крутится и в личных сообщениях, через списки и блоги, которые распространяют текст Феликса Ниша отрывками, иногда не понимая, о чем идет речь. Среди таких авторов: активисты Всеобщей конфедерации труда, ультралевые возмущенные, полемисты, психоаналитики, социологи, исследователи и т. д.

Поэтому необходимо срочно установить санитарный барьер против использования этого термина. Кто-то во Франции может ненавидеть Макрона, у кого-то есть право писать что угодно против правительства, против того, как оно справляется с санитарно-гигиеническим кризисом, кто-то имеет право всегда обвинять «Другого» в том, что он виновен во всех пережитых страданиях, у кого-то есть право искать «козлов отпущения», отыгрываться на своем соседе, утверждать, что Франция – банановая республика, которой правят убийцы, заказывающие «отбор» среди стариков, богатых, бедных, молодежи, народа, элиты, как в Освенциме. Кто-то имеет право постоянно искать осла в басне Лафонтена: это называется свободой выражения, и ее нужно защищать. Но я считаю, что необходимо срочно установить санитарный барьер против некоторых слов, берущих свое начало от традиции Дрюмона, от противников Дрейфуса и от «*Je suis partout*» (я везде).

Макрновирус является частью этой традиции.

Перевод с французского: Анник Бесс

Перевод с английского: Наталья Суполкина

ПЬЕТРО ПАСКАРЕЛЛИ
PIETRO PASCARELLI

ДО ВИРУСА (ОКТЯБРЬ 2019 г.)
BEFORE THE VIRUS (OCTOBER 2019)

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/before-the-virus-october-2019/>

Я написал эту статью прошлой осенью, в мире, который был раньше, до начала пандемии. Это может показаться странным, но сегодня я испытываю ностальгию по тому миру, в котором я также жил с тревогой, потому что мне казалось, что он давно ни к чему не стремится.

В тревожном душевном состоянии, чувствуя желание сохранить что-то, что связано с нами и принадлежало нам, я осознал непредвиденную актуальность этого текста, и поэтому я снова предлагаю его образы. Это способ сказать о сегодняшнем дне с помощью быстрых «обратных» предложений, говоря «апостериори» *до* вируса, чтобы иметь возможность представить *после*. В надежде, что новое начало для всего человечества может возникнуть из пепла культурного апокалипсиса, столь явного для всех сейчас, на критическом этапе.

До вируса.

Водородный музыкальный автомат: субботный день в городе

Я слоняюсь по центру старого и богатого города на севере Италии, ожидая презентации книги, и даже потом, ближе к вечеру. Сейчас начало осени, еще не так много опавших листьев, температура весенняя, если не летняя иногда.

Фермерские рынки предлагают всевозможные вещи: помидоры, салат-латук, тыкву и цуккини, виноград, сливы, тосканскую, белокочанную и краснокочанную капусту, картофель, грибы (свежие лисички и белые грибы), перец, брокколи, каштаны.

После ранней утренней прохлады, когда нужен был пиджак, все, что нужно, – это легкая одежда, в которой ты комфортно себя чувствуешь.

Еще можно пойти к морю, чтобы увидеть его и вдохнуть его запах, даже если только для этого.

Но я сейчас здесь. Электрические провода троллейбусов тянутся по городскому воздуху, мелькают окна, сияют золотые и зеленоватые купола, кишат невидимые сигналы связи и виртуальных реальностей. То, что всегда в доступе для удовлетворения потребности в потреблении того, что не проходит через фермерский рынок и материализуется в изображениях на стенах и в газетах, в витринах магазинов, которые стали универсами, в объектах, которыми мы владеем, в джойсовском затмении чувства языка и в изматывающей эстетике нашего времени, в котором старое исчезает, не будучи узнаваемо в новом, и кажется современным и «новомодным». Потребление и смерть путешествуют по артериям тела и города в фильме без саундтрека, люди приближаются к вещеподобному существованию, как говорит Марио Перниола, и отказ от утверждения, что в вещах всегда есть смысл, похоже, устанавливается в растущей близости и торговле с миром объектов.

Нам нужен гомеровский эпос современных путешествий. Если не Улисс (Джойса), то еще лучше «Поминки по Финнегану», и его мечта, которую можно перевести в мечту каждого из нас. Пусть каждый светит своим светом!

Нам понадобится взрывная джазовая музыка, такая как *Kind of Blue*²⁴, чтобы ввести в эфир живой звук с его очарованием, его модальными вариациями. Свежий воздух, креативное мышление.

Я наблюдаю за первым скромным потоком туристов, собравшихся вокруг гида на площади, где возвышается культовая колокольня, расположенная в сфере существования, совершенно оторванной от суеты зрителей и любителей искусства. Там, наверху, только небо, голуби и маленькие птички для компании: небо и пение.

Легионы очень молодых людей с однородными признаками возраста и студенческого статуса занимают стратегические перекрестки улиц. Они смотрят друг на друга, сталкиваются друг с другом, временами собираются вместе и поднимают смех и шум, равнодушные восклицания, обращенные ни к кому, которые поднимаются в сероватое послеполуденное небо, зажатое между зданиями. Подняв голову, я смотрю вверх, в этом нарастающем шуме.

Я должен пробиться сквозь толпу, используя ловкие и обходные маневры.

---

²⁴ *Kind of Blue* (с англ. – «что-то вроде грусти») – студийный альбом американского джазового музыканта Майлза Дэвиса (прим. переводчика).

Официанты в кофейнях и ресторанах заняты обходом столов своих залов, в красных и белых фартуках, подмигивая и заигрывая с теми, кто проходит мимо, – у массового глобализованного потребления нет расписания – предлагая меню и предварительный просмотр интерьера, передвигаясь в лучах слабого, однако чувствительного света. Они выглядят как бесшабашные тореадоры, ожидающие пяти часов вечера.

Далекие *mayorales de pálida niebla* (пастухи туманов млечных²⁵) подталкивают стада небесных быков к земле, к гордецам с «твердым голосом». Тем, кто «укрощает лошадей и управляет реками», и тем, у кого «сломаны поводья», таким, как Игнасьо.

Смерть бросает вызов жизни.

«Я видел лучшие умы своего поколения, разрушенные безумием», – так Аллен Гинзберг начал свой «Вопль».

Вот группа женщин: они смотрят на карты и постоянно указывают указательным пальцем в определенном направлении. Свобода открытий, путешествий и культуры, новые горизонты для тех, кто, судя по всему, является бывшими вышивальщицами, домохозяйками, матерями, секретарями, рабочими, учителями, бабушками, ангелами дома и жизни, всегда привыкшими к любым лишениям. Они те, кто выводит мечту в пустынный мир, а затем ищут её, словно открывая её с бессознательной и поэтической демонстрацией наивности и удивления.

На улицах разворачивается нить ожидания, грустной и слабой надежды, что придет что-то новое и развеет скуку и боль.

Я вижу пьяниц в пивной с кухней, которые, вращаясь вокруг воображаемого центра тяжести, бесконечно зациклены на повторении вечного рефрена: один требует неизвестной любви с гневной критикой мира, которую приветствует его шатающийся коллега.

Но жизнь течет дальше со своими простыми вещами, которые являются маленькими чудесами. Проезжает автобус и разрушает чары; это движение, дыхание, регенерация, скорость. Действие!

Какой-то бивуак на стратегических лужайках в центре города, поддерживаемый местной администрацией, разбитый как будто по неслышному звонку от других, спокойных и трезвых на вид или с заплетенными волосами и в старой одежде нью-эйдж, с рюкзаками, цепочками, шляпами, со своими детьми и собаками. Они

---

²⁵ Строки из стихотворения Ф.Г. Лорка «Плач по Игнасьо Санчес Мехиас» (прим. переводчика).

устанавливают временную ось мира (*mundi*) в общественном месте, прыгая в альтернативную свежесть травы (возможно, не помня мифической книги стихов Уолта Уитмена «Листья травы») из углей неразумного личного пространства: высадиться из неэкологического домашнего затворничества в то, что, учитывая доминирующую ненасытность, мы могли бы иронично назвать садом *suppli*, перефразируя поэта Вито Ривиелло (полное собрание сочинений которого в этом году опубликовало издательство *Sapienza University Press*, размещенное примерно на 1200 загружаемых и бесплатных страницах, которого раньше нигде нельзя было найти).

Это первые и единодушные признаки того, что я увижу позже в действии: стремительное распространение коллективного безумия повсюду, поток людей, нарастающий гул толпы, назойливые толпы людей, попавших в запутанную, подобно лабиринту, сеть, которая обрушивает их на стекла и бетонные стены города.

Парадокс общественных площадей заключается в том, что все одиноки, даже когда они, казалось бы, находятся в компании, и никому не уйти от непреодолимой притягательной силы, оказываемой этим гигантским «Водородным музыкальным автоматом»²⁶, «Бесполом Водородным Молохом», монстром. Субъективность на улицах как-бы испаряется среди тел, блуждающих в поисках чего-то. Я тоже чувствую себя отчужденным.

В суете внутренностей и заполненных площадей все они становятся клиентами вечером, собравшись вокруг бочек, которые тоже стоят неестественно.

В вычурной таверне выставлены два стола с тусклыми фонарями, которые, кажется, ждут Носферату²⁷. У меня есть будоражащие сомнения, что те немногочисленные, вроде бы нормальные люди, сидящие там, являются главными героями грядущего зомби-апокалипсиса, готовые направить на меня свой медленный и неуверенный, но неудержимый марш. Лучше держаться подальше.

Неподалеку двое местных полицейских, мужчина и женщина, медленно продвигаются в фосфоресцирующей униформе в густой тени, и когда они отходят от машины с ее мигающим синим светом,

---

²⁶ «Hydrogen Juke Box» (Водородный музыкальный автомат) – камерная опера на музыку Филипа Гласса и стихи поэта Аллена Гинзберга. Ее название взято из фразы, придуманной Гинзбергом, из его стихотворения «Вопль» (прим. переводчика).

²⁷ Носферату (нем. Nosferatu) – синоним слова «вампир», впервые использованный Брэмом Стокером в романе «Дракула» (прим. переводчика).

они выглядят как инопланетяне, спустившиеся с космического корабля, яркого, как игровой автомат для пинбола.

Многие сидят за аккуратными, порожними рядами столов с белыми скатертями, которые выглядят немного стерильными, когда человек, сидящий за столом, один. Они похожи на пациентов мрачной поликлиники, раскинувшейся на тротуарах и асфальте, в которой лечат разочарование и одиночество едой и напитками. Я вижу мутную пену на брошенных очках (или очки на самом деле – это сенсоры инопланетных миров, сканирующие людей?).

Немного скрытые растениями и листвой или деревянными колоннадами, омраченные плохим искусственным освещением, много парней и на удивление много девушек, одиноких или в парах, которые не разговаривают.

Они не отрывают глаз от экрана, который представляют перед собой. Ищут ли они в инертном нейтралитете плоскости спокойствия нирваны?

Но, может быть, – и поэтому я затаил дыхание – у них также есть дом в Берлине, они могут готовить зеленые ростки из Вьетнама, они где-то изучают византийскую мозаику, они читают Крепакса, они знают Пиндара и Роберта Фроста, они любят живопись и музыку. Возможно, их родители в детстве покупали журнал «*Corriere dei piccoli*», они знали комиксы «*Katzenjammer Kids and the Captain*», и они любили маму. Может быть, в Дании нет ничего гнилого.

Кто-то подарит им книгу и цветы. У газетного киоска нью-йоркского метро сифилитик флорист, которому Харт Крейн посвящает свои стихи, продает фиалки и маргаритки, а весной – свежие букеты гиацинтов.

И, может быть, небо без ангелов не нависает над нами, возможно, нам не придется жить сто лет одиночества.

Благословен поэт:

Datta. Dayadhvam. Damiata.

Shantih shantih shantih²⁸.

Перевод с итальянского: Anna Franchi
Перевод с английского: Наталья Суполкина

²⁸ Строки из поэмы Т. Элиота «Бесплодная земля». Datta. Dayadhvam. Damiata – давай, сострадай, властвуй собой (санскрит). Shantih shantih shantih – заключительные слова из «Упанишад». В автокомментарии Элиот переводит их как «Мир (покой), превосходящий всякое понимание».

ДАНИ НОБУС
DANY NOBUS

ВИРУСНАЯ ПЕРЕОЦЕНКА ВСЕХ ЦЕННОСТЕЙ? A VIRAL REVALUATION OF ALL VALUES?

<http://www.journal-psychoanalysis.eu/a-viral-revaluation-of-all-values/>

Лондон, 15 апреля 2020

Пытаясь найти подходящий способ начать это краткое размышление, я почувствовал себя Леонардом Коэном, когда он сел писать Марианне Ихлен в своей комнате в отеле *Penn Terminal Hotel* в Нью-Йорке 23 февраля 1967 года, на следующий день после своего первого крупного выступления перед 3000 человек в театре *Village Theatre*: «Я с трудом могу писать, не потому что я в плохой форме, а потому что так много или так мало можно сказать»²⁹. Что можно сказать, о чем не было сказано уже много раз: о «беспрецедентных временах», «наихудшей чрезвычайной ситуации в мирное время», «войне против невидимого врага», «сопутствующих болезнях», «(постоянной нехватке) средств индивидуальной защиты», «социальном дистанцировании»? Что можно сказать, когда так много слов о любви, жизни и смерти притупились рутинным использованием до такой степени, что их уже нельзя больше использовать для передачи уникальной подлинности живого субъективного опыта? Так много нужно сказать, потому что, как это ни парадоксально, пребывание в изоляции вызвало множество новых неразрешимых переживаний. Так мало можно сказать, потому что, как это ни парадоксально, весь определенно уникальный внутренний опыт стал гомогенизированным в глобальном, коллективном эмпирическом жизненном мире.

Так когда же и с чего все началось? Я не могу точно вспомнить, когда я впервые услышал о COVID-19, но, несомненно, это произошло спустя некоторое время после того, как его впервые диагностировали, и до того, как стало почти невозможно слышать ни о чем другом. Сообщается, что ученые всего мира работают на износ,

---

²⁹ Cohen, L. (1967) *Letter to Marianne Ihlen of 23 February 1967*. Private Collection.

чтобы установить точное происхождение вируса, чтобы лучше подготовиться к предотвращению следующей пандемии³⁰. На первый взгляд, это кажется вполне обоснованным рассуждением: «Легче болезнь предупредить, чем потом её лечить» – так однажды сказал английский юрист XIII века Генри де Брактон. Но, к сожалению, оно также включает в себя крайне неудобную правду об ограничениях человеческой жизни. Если бы было точно установлено, что нулевой пациент действительно был китайским рыночным торговцем, который случайно заразился вирусом от инфицированной летучей мыши или панголина, то единственная доля правды, которая могла бы заключаться в этой истории о зоонозном происхождении вируса, состоит в том, что следующую пандемию вообще нельзя предотвратить, даже если она будет вызвана идентичным вирусным штаммом и не произойдет на протяжении еще одного столетия или около того. Упреждающее и профилактическое медицинское обслуживание – это не только функция якобы научно обоснованных знаний о том, как возникают заболевания, как распространяются болезни, как эпидемии истребляют человеческое население, но и о том, что гораздо более важно, как эти данные создаются, обобщаются и используются. И это предполагает, что можно найти эффективную вакцину, которая никоим образом не является столь бесспорной, как того хотели бы вирусологи и эпидемиологи. Спустя сорок лет после того, как вирус иммунодефицита человека впервые был должным образом идентифицирован у людей, и после гибели 75 миллионов человек, до сих пор не существует эффективной вакцины против ВИЧ.

Внутренняя нестабильность и неизбежная политизация научного знания – это лишь одно из множества противоречий и истин, которое раскрыл и усилил вопрос вируса (который в данном случае следует также понимать как субъективный генитив и, следовательно, как вопрос, поставленный вирусом). Понятно, что это не сам вирусный вопрос полностью раскрыл некоторые из наиболее тревожных аспектов жизни XXI века на планете Земля, а социально-политические, институциональные и личные реакции на него, как будто пресловутые, порождающие истину свойства свободно

---

³⁰ Readfearn, G. (2020) “How Did Coronavirus Start and Where Did It Come From? Was It Really Wuhan’s Animal Market?” <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/15/how-did-the-coronavirus-start-where-did-it-come-from-how-did-it-spread-humans-was-it-really-bats-pangolins-wuhan-animal-market>. Accessed on 14 April 2020.

текущего «вина» были повсеместно заменены не менее показательными эффектами быстро распространяющегося вируса. Если болезнь действительно показывает нам, кто мы такие, то уже понятно, что человеческие и социально-экономические издержки пандемии будут значительно выше на неолиберальном, индивидуалистическом Западе, чем на коммунитарном Востоке. Некоторые автократические лидеры, несомненно, извлекли выгоду из относительного успеха Китая в контроле над скоростью распространения вируса, чтобы узаконить и расширить свое диктаторское правление, что было бы еще одним способом показать, что «истина в вирусе», но история успеха Китая является, прежде всего и главным образом, примером банкротства системы ценностей, лежащей в основе западных политических экономик. За несколько недель до общенациональной изоляции 23 марта 2020 года, правительство Великобритании впервые поддержало «научно доказанную» теорию коллективного иммунитета, предположительно, потому что экономическое благосостояние всегда должно иметь приоритет над здоровьем населения. А затем оно изменило этот подход, якобы потому что «наука» изменилась, на четко выраженную зависимость от личной готовности общественности соблюдать правила социального дистанцирования. И только когда было замечено, что эта личная готовность была далеко не такой надежной, как думали политики, и что система общественного здравоохранения потенциально может подвергнуться еще большему риску, чем в рамках стратегий коллективного иммунитета, точка зрения изменилась с рекомендации на принудительное введение. Тем не менее, важно отметить, что европейские (и американские) модели политики предотвращения распространения не являются новоявленным повторением китайского (и южнокорейского) подхода, который пошел гораздо дальше в ограничении индивидуальных свобод, и что любое такое повторение, если считать его приемлемым, всегда было бы уже слишком поздним. Как ни странно, ошеломляющие человеческие и экономические издержки от вируса на Западе прямо пропорциональны его ложной идеологической вере в производительную силу самоуправления и индивидуального предпринимательства.

Существует множество других примеров того, как глобальная пандемия безжалостно обнажила трещины, разрывы и хрупкость человеческой цивилизации, от скрытого или игнорируемого

социального неравенства до крайне непригодных систем здравоохранения и от вроде бы неопровержимого принципа рентабельности экономики здравоохранения до личного здоровья как меры социального статуса. В этом плане вирус действительно ведет политику дискриминации, поскольку у чернокожего населения и представителей этнических меньшинств вероятность заражения, а следовательно, и уровень смертности от COVID-19 значительно выше, чем у других слоев населения³¹. В этом отношении нынешняя глобальная война против невидимого врага идет не только среди населения в целом и в больницах, но и (гораздо более скрытным образом) во множестве государственных и частных домов престарелых и других уязвимых слоев населения. В этой связи работа на дому с целью защитить себя, своих соседей и систему здравоохранения – это не просто общее правило, которое можно ввести без разбора для всех (кроме так называемых «работников специальности, отнесённой к категории жизненно важных»), а конкретная профессиональная практика, успешная реализация которой зависит не только от гибкости работодателя и креативности работника, но, что особенно важно, от «уровня» выполняемой работы и, следовательно, от социального статуса.

Пока еще слишком рано говорить о том, приведет ли пандемия к полной «переоценке всех ценностей», как того требовал Ницше, хотя в его случае скорее в качестве радикальной альтернативы христианскому «бессмертному позорному пятну человечества»³², а не столь же непобедимого роста глобального капитализма. В содержательной статье о влиянии коронавируса на изменение климата, которое вышло далеко за рамки банальностей «природы, постепенно приходящей в норму» в ныне в основном безлюдных районах бывшего загрязнения в результате деятельности человека, Артур Уинс, исследователь, работающий во Всемирной организации здравоохранения, недавно заявил, что пандемия вполне может вызвать более глубокое понимание нашей уязвимости и глобальных связей, которые нас связывают, что, в свою очередь, может привести к лучшему пониманию самой важной угрозы для выживания

---

³¹ Lynch, C. (2020) “Coronavirus: Black and Hispanic People ‘twice as likely to die’ in US from COVID-19”. <https://news.sky.com/story/coronavirus-black-and-hispanic-people-twice-as-likely-to-die-in-us-from-covid-19-11971690>. Accessed on 14 April 2020.

³² Nietzsche, F. (1888) “The Anti-Christ: A Curse on Christianity” in *The Anti-Christ, Ecce Homo, Twilight of the Idols, and Other Writings*. ed. A. Ridley & J. Norman, transl. J. Norman (Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 1-67).

человечества, т. е. климатического кризиса³³. Будучи пессимистом, и как бы оптимистично ни звучало это заявление, я не уверен, что этот посыл надежды сбудется. Нет никаких сомнений в том, что западной экономике понадобится много времени, чтобы оправиться от пока еще неизмеримого ущерба, нанесенного всем важным составным органам её вроде бы выносливого, жизнеспособного тела. Нет сомнений в том, что историческое время будет перемежаться периодами «до» и «после короны», и что наша коллективная память будет навсегда испорчена тем временем, когда мир остановился. Однако ничто из этого не подразумевает, что процесс восстановления также повлечет за собой радикальный пересмотр систем ценностей, которые, если они не могут нести ответственность за «взаимодействие» китайского рыночного торговца с летучей мышью или панголином, определенно могут быть в какой-то степени привлечены к ответственности за продолжающееся распространение смертоносного вируса и за сотни тысяч смертей, которые он оставил после себя на своем пути. Чтобы произошла вирусная переоценка всех ценностей, возможно, пандемия закончится слишком рано, как, например, в печально известных словах Фрейда к своему венгерскому коллеге Шандору Ференци: Первая мировая война фактически закончилась слишком быстро для того, чтобы психиатрия дестабилизировалась и психоанализ смог извлечь выгоду из краха её научной гегемонии³⁴. Возможно, через 500 лет историки будут вспоминать 2020 год как начало второго Ренессанса, Возрождения; а может быть, через 500 лет 2020 год будет просто зафиксирован как чрезвычайно значимое, но, в конечном счете, контролируемое нарушение, трещина в ходе человеческого существования.

Перевод с английского: Наталья Суполкина

---

³³ Wyns, A. (2020) “How Our Responses to Climate Change and the Coronavirus Are Linked”. <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/climate-change-coronavirus-linked/>. Accessed on 14 April 2020.

³⁴ Falzeder, E., Brabant, E. & Giampieri-Deutsch, P. (Eds) (1996) *The Correspondence of Sigmund Freud and Sándor Ferenczi*. Vol. 2: 1914-1919. transl. P. T. Hoffer. (Cambridge MA-London: The Belknap Press of Harvard University Press).